Глава 11. Всё по плану

Исполняя волю Ли Юнькэ, Кан Хуэй во весь опор помчался в город Лохуай. В пути он не раз менял лошадей и меньше чем через десять дней был на месте.

Когда Ли Юнькэ в прошлый раз посещал эти края, Чжуанцзы ещё только закладывали, теперь же приготовления почти завершились — под прикрытием постоялого двора здесь развернули весьма внушительную сеть.

По чистой случайности в тот самый день, когда Кан Хуэй прибыл в Лохуай, на постоялый двор «Зелёная сосна» заселились четверо воинов Цюцзюэ, переодетых в одежду подданных Чэннин.

Хозяйкой «Зелёной сосны» была женщина по имени Цяо Шаньшань. Молодая и на редкость пригожая, она была из тех, кого Ли Юнькэ когда-то выкупил из весёлого квартала, соря деньгами в компании столичных гуляк.

Тогда Шаньшань едва исполнилось тринадцать. Семья, не имея средств на женитьбу старшего сына, продала её в публичный дом. Девочка сопротивлялась как могла, и, когда старая сводня окончательно загнала её в угол, решилась на самоубийство. Именно в этот миг её и спас Ли Юнькэ, случайно оказавшийся поблизости.

Цяо Шаньшань, затаив лютую обиду на родителей и брата, наотрез отказалась возвращаться домой. Она поклялась следовать за своим спасителем куда угодно, и Ли Юнькэ на время оставил её в одном из своих Чжуанцзы. Минуло несколько лет; маленькая девочка выросла, расцвела и научилась самостоятельно вести дела. Когда пришло время обустраивать Чжуанцзы в Лохуае и понадобился верный человек для управления, Ли Юнькэ счёл, что она идеально справится с этой ролью.

Выслушав поручение принца, Цяо Шаньшань мгновенно сообразила, как поступить. Хотя ей так и не довелось принимать «гостей» в юности, сводня успела вдолбить в неё немало женских хитростей. Шаньшань была уверена: стоит ей взяться за дело, и цюцзюэские солдаты клюнут на наживку.

Однако Кан Хуэй поначалу и слышать об этом не хотел. Всё-таки она была порядочной девушкой — как можно позволить ей так рисковать своим добрым именем?

Но Цяо Шаньшань оказалась нрава решительного и бойкого. По её глубокому убеждению, на женщину, вышедшую из стен борделя, везде будут смотреть с презрением. В целом свете для неё не нашлось бы иного пристанища, кроме этого Чжуанцзы. Она давно решила, что останется верна общему делу до самой смерти, так к чему теперь ломать комедию и дорожить призрачной репутацией?

Кан Хуэй лишь прямо заметил:

— С таким подходом ты никогда не выйдешь замуж.

Цяо Шаньшань закатила глаза и отрезала:

— Кроме нашего господина, мне и даром никто не нужен. А он меня в жёны точно не возьмёт, так о чём мне кручиниться?

Хозяйка постоялого двора действовала споро. Тем же вечером на заднем дворе «Зелёной сосны» она обменялась парой недвусмысленных взглядов с рослым воином Цюцзюэ. План сработал безупречно: не привыкший к изыскам заморский детина вмиг потерял голову, распалившись не на шутку.

Заметив благосклонность красавицы, цюцзюэсец придвинулся ближе. Не прошло и четверти часа, как он, одурманенный женскими чарами и ласковым шёпотом, готов был вести её в свои покои.

Но стоило ему потянуть женщину за собой, как тихий и пустой двор внезапно наполнился людьми. Красавица, мгновение назад покорно прижимавшаяся к нему, вдруг отпрянула с криком ужаса, а её одежда оказалась в живописном беспорядке.

Под осуждающий ропот «случайных свидетелей» Цяо Шаньшань вцепилась в ворот цюцзюэсца. Раздался резкий треск рвущейся ткани, и перед взорами толпы предстала мощная грудь чужака, на которой среди густых волос отчётливо проступала татуировка свирепого тигра.

Кто-то в толпе вскрикнул:

— Это же цюцзюэсец!

Верзила опешил. Он даже не заподозрил, что угодил в ловко расставленную ловушку, и уж тем более не догадывался, что его личность раскусили ещё в миг заселения. Пытаясь сохранить самообладание, он торопливо запахнул одежду, стараясь скрыть выправку кадрового военного.

— Я… я просто купец, — выдавил он, старательно подбирая слова, как они и договаривались со своими.

Цюцзюэ в своё время отделились от империи Чэннин, так что язык у них остался общим — по речи пришлого было почти невозможно отличить его от местного. Именно поэтому солдат не почуял подвоха, решив, что женщина просто перепугалась внезапно появившихся людей.

Цяо Шаньшань окинула его подозрительным взглядом:

— Если ты купец, зачем тогда нарядился нашим подданным?

— Слыхал я… — Воин опасливо зыркнул по сторонам. — Слыхал, что на границе неспокойно, вот и побоялся, что ваши люди торговать со мной не захотят.

В последние годы отношения Чэннин с Цюцзюэ, Северной пустыней и Цансюнем сложно было назвать тёплыми, однако видимость мира ещё сохранялась. Торговля на границах не прекращалась, и заезжие купцы в городах никого не удивляли.

Объяснение звучало вполне разумно. Доигрывая роль до конца, Цяо Шаньшань кокетливо улыбнулась:

— И чем же ты торгуешь?

— Румяна вожу, белила… всякую всячину для дам.

Цяо Шаньшань притворно смутилась:

— Неужто товар стоящий? Завтра принеси мне показать. Если понравится — возьму чего-нибудь.

Цюцзюэсец, решив, что окончательно закрепил успех, расплылся в улыбке:

— Что вы, госпожа, завтра же выберу для вас самое лучшее. И денег не возьму — считайте это подарком.

Наблюдавший за этой сценой с крыши Кан Хуэй невольно проникся уважением к талантам Шаньшань. В голову даже пришла мысль: а не спросить ли у неё совета насчёт выбора подарков? Уж она-то в этом толк знает.

Правда, узнай она, что её господин собирается делать подарки с целью сватовства, не помчится ли она на гору Асуров, чтобы вызвать главу секты Цзымин на бой в триста раундов?

Происшествие, казавшееся досадной случайностью, не вызвало особого шума в самом Лохуае, однако за его пределами слухи начали расти как на дрожжах.

Благодаря стараниям Чжуанцзы, новость неслась быстрее коня Кан Хуэя. Дней через десять весть об «охальнике-купце» долетела и до ушей Ли Юнькэ.

***

Тем временем Дуань-циньван, прикинув сроки, решил, что пора перебираться в город — так было проще получать донесения. Но поскольку прежде он сам настоял на том, чтобы обходить

крупные поселения стороной, теперь веских причин менять маршрут не было. Провизию для сотни всадников исправно доставляли из местных управ, и повода задерживаться в стенах города не предвиделось.

Поразмыслив, он выбрал проверенное средство — сказаться больным.

В один из дней, когда отряд неспешно продвигался по тракту, принц без всякого предупреждения вдруг мешком повалился с седла наземь, чем до смерти перепугал своих спутников.

Поскольку отряд состоял всего из сотни элитных гвардейцев, Ли Юньшэнь не счёл нужным приставлять к брату лекаря. Солдаты в суматохе бросились к господину, наперебой выкликая: «Ваше Высочество!».

Ли Юнькэ прикинулся мертвецом.

Ю Чанхэ, хоть и не смыслил в медицине, напустил на себя важный вид и вцепился в запястье принца, пытаясь нащупать пульс.

Ли Юнькэ, затаив дыхание, пустил в ход внутреннюю энергию, заставив сердце биться в лихорадочном, путаном беспорядке. Даже человеку, далёкому от врачевания, стало ясно — дело дрянь. Ю Чанхэ вздрогнул и закричал:

— Живо! Несите князя в город! Найдите лучшего лекаря!

Император послал его надзирать за Ли Юнькэ, и Ю Чанхэ прекрасно знал о вражде братьев. Но Дуань-циньван всё же оставался родным братом государя, и, пока не последовало прямого указа избавиться от него, любая оплошность могла стоить головы.

Сердце Ю Чанхэ колотилось ещё отчаяннее, чем пульс принца. Он всерьёз опасался, что если тот испустит дух, то гнев императора обрушится на всю его семью.

Отряд облачённых в броню воинов вихрем ворвался в город, изрядно переполошив мирных обывателей.

Ю Чанхэ, сохранив остатки самообладания, распорядился доставить принца прямиком в управу префекта, оставив часть людей на улицах успокаивать толпу.

Так Ли Юнькэ с полным комфортом обосновался в государственном ведомстве.

Ю Чанхэ вместе с префектом согнал к нему всех городских лекарей, но те лишь разводили руками. Никто не мог понять причину хвори, а значит, и лекарства назначить не решались. В

одном лишь знахари сошлись единодушно: Ли Юнькэ не жилец.

Ю Чанхэ и вовсе пал духом, уже всерьёз обсуждая с подчинёнными, как преподнести это известие императору.

Насмотревшись на его терзания вдоволь, Ли Юнькэ наконец соизволил «прийти в себя» и подал голос:

— Успокойтесь, командир Ю. Это старая хворь. Пройдёт пара дней, и я сам на ноги встану. Продолжим путь, и волю Его Величества исполним в срок.

Ю Чанхэ слушал, но сомнения всё ещё терзали его душу.

— Кстати, — добавил Ли Юнькэ, — пока мы здесь, не позволяйте людям бездельничать. Пусть разошлют соглядатаев, разузнают, не объявлялись ли поблизости те цюцзюэские псы.

Видя, что даже в немощи князь печётся о деле, Ю Чанхэ поспешил заверить:

— Не беспокойтесь, Ваше Высочество, я всё устрою.

Связь между Ли Юнькэ и Кан Хуэем, отточенная годами, работала как часы. Вести пришли ровно тогда, когда принц их и ожидал.

На четвёртое утро пребывания в управе, когда завтрак ещё не был закончен, в комнату влетел дозорный. Он доложил, что в народе пошли толки: дескать, в Лохуае поймали лазутчика из Цюцзюэ, который прикидывался купцом и пытался обесчестить хозяйку постоялого двора.

Ли Юнькэ, услышав это, едва не поперхнулся кашей.

«Шаньшань, негодница! Совсем страх потеряла! И Кан Хуэй хорош — позволил ей такую дерзость!»

— Ваше Высочество, вам дурно? — встревожился Ю Чанхэ, заметив, как побледнел принц.

Ли Юнькэ схватил чайник и в несколько жадных глотков пропихнул еду в горло.

— Со мной всё в порядке. Скажите, командир Ю, что вы думаете об этой новости?

Ю Чанхэ, хоть и не хватал звёзд с неба, за годы службы в Запретной страже привык быть настороже. Вопрос принца заставил его сосредоточиться.

— Ваше Высочество, дело пахнет жареным. Торговые пути с Цюцзюэ открыты, купцов никто не гонит. Если он и впрямь торговец, зачем ему выдавать себя за нашего? Моё скромное мнение — здесь кроется какой-то подвох.

Ли Юнькэ уже заготовил целую речь, чтобы убедить офицера, но тот проявил редкую догадливость. Принц согласно кивнул, приняв глубокомысленный вид:

— Ваши слова бьют в самую цель, командир. Мы всё не могли напасть на след этих мерзавцев, а они, оказывается, уже вовсю бесчинствуют в Лохуае. А ведь оттуда до Инчжуна рукой подать. Нельзя дать им натворить бед, нужно выдвигаться немедленно.

— Я сейчас же отдам приказ, — Ю Чанхэ уже развернулся к дверям, но вдруг запнулся: — А как же ваше здоровье?..

Ли Юнькэ небрежно махнул рукой:

— Пустяки, в дороге оклемаюсь. Свою болезнь я знаю — день-другой, и буду как огурчик. Тем более что поимка этих цюцзюэсцев для меня — лучшее лекарство.

http://bllate.org/book/17433/1663285